

ВИКТОРИЯ КОЖУХОВА

РАЗВОД

*Заюза для нестойкого
Босса*

Виктория Кожухова

**Развод. Заноза для
несносного босса**

«Литнет»

2025

Кожухова В.

Развод. Заноза для несносного босса / В. Кожухова — «Литнет», 2025

– Я увольняюсь. – Неужели решили покинуть меня? – холодно улыбается босс.
– Покинуть ферму, – с яростью поджимаю губы. Максим Игоревич встает из-за стола и направляется прямо ко мне. Испуганно делаю шаг назад, второй... Пока не упираюсь спиной в стену. Прерывисто дышу, глядя на него снизу вверх. Разъяренный шеф напоминает бешеного быка, готового растоптать меня. – Почему же? – шепчет он, склоняясь ко мне. В его глазах полыхает едва сдерживаемое бешенство. – Вы невозможный, невыносимый... Приехали в нашу деревню, устанавливаете свои порядки, меня невзлюбили... – Я тебя никуда не отпускал! – Что? Вместо ответа он жадно целует меня, сжимая руками предплечья. Выбивая из головы все здравые мысли, кроме одной: “Кажется, я попала!” С приездом нового босса моя жизнь превратилась в хаос. Мало того, что он ошеломительно красив и богат, так еще и меня почему-то невзлюбил с первого взгляда. Мало мне проблем с мужем, так еще и босс подкидывает кучу неприятностей! Но ничего, я и с мужем разведусь и нового босса к ногтю прижму! Правда же?... В тексте есть: ♥# Властный герой ♥# Сильная героиня ♥# Одержимая любовь ♥# Босс в деревне ♥# ХЭ для тех, кто заслужил
Еще один служебный роман “Развод. Заставь меня влюбиться снова” (про настойчивого босса, который страшно влюбился в свою подчиненную =) История Светланы и Дока

© Кожухова В., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1

Людмила

– Это не то, о чем ты подумала!

– Правда? – дрожащим от ярости голосом спрашиваю я и швыряю в своего голого мужа вещи. – Как я еще это могла понять?

Блондинка в нашей постели тихо что-то пищит и быстро собирается. Я же не могу оторвать взгляда от мужа, который виновато смотрит на меня и натягивает штаны.

– Как ты хочешь оправдать свою измену? – сжимаю руки в кулаки, пытаюсь унять свою боль. Внутри ревет буря. Он меня предал. Предал! После десяти лет совместной жизни, после того, что я сделала для него!

Выражение вины с его лица сдувает в мгновение ока, теперь там лишь злость. Безграничная и отчаянная, как у человека, которому нечего терять.

– А ты чего хотела? Вечно на своей работе пропадаешь! А мне ласки не хватает! Устал тебя уже ждать!

– Устал? – тихо спрашиваю я, садясь на кресло. – А я не устала? Тащить всю нашу семью на себе, работать за двоих пока ты штаны свои просиживаешь на диване! Пока пьешь, как черт!

– Я говорил тебе, что жду работу! Просто нормальной, моего уровня нет еще!..

Вскакиваю на ноги. Бешенство бьет в голову горячей волной. Я даже не обращаю внимания на девку, которая, одевшись, судорожно протискивается мимо меня в коридор, желая исчезнуть. А Миша подбирается ко мне, заглядывает в глаза:

– Ну Людк, ну прости, а? Бес попутал. Это в первый и последний раз. Клянусь тебе!

А я смотрю на этого человека, которого любила, и понимаю, что все. Терпение мое переполнено, рубеж пройден. Кидаю сумки с продуктами на пол, устало произношу:

– Даю тебе два часа, чтобы ты собрал свои вещи. Если не съедешь, вызову ментов. Сам же знаешь, что майор Пегов тебя терпеть не может. За милую душу упакует...

– Ну ты и сука, Людка, – сплевывает Мишка. На пол моего частного дома, пол, который я вчера ползала на карачках, отмывала после работы. Пол, который Мишка никогда не мыл, считая это “женским” занятием.

– Я же сказал тебе, что это было в первый и последний раз...

Качаю головой и горько усмехаюсь:

– Сколько их было, этих раз, Миш? Я уже устала считать. И устала закрывать глаза...

Его лицо вытягивается. Он не ожидал, что я знала о его многочисленных изменах. И я бы рассмеялась над этим глупым выражением, но сейчас мне так больно и гадко, что я больше не хочу видеть Мишку.

Разворачиваюсь и ухожу. Из своего собственного дома, на окраине деревни, лишь бы не наблюдать жалкую картину того, как теперь уже бывший муж собирает свои вещи.

Когда это все началось? Может быть, с того момента, как Мишу уволили с работы? Или когда мы перебрались из города в деревню? А может быть он был ленивым с самого начала, и я, ослепленная любовью, просто ничего не замечала?

Устало бреду по вечерней сельской улице. Благо, народ весь уже ужинает, а кто-то смотрит телевизор. Молодежь уехала либо в клуб в соседней деревне, либо в город... Так что свидетелей моим слезам не осталось.

“Скорее всего, Миша изначально был таким...” – слезы текут и текут из глаз, пока я бреду, не видя впереди дороги.

Да, все верно. Мы начали встречаться еще тогда, когда учились в университете. Мне страшно повезло, что он обратил внимание на меня. Так я тогда думала. Сын обеспеченных родителей, который решил поступать в ветеринарку вместо того, чтобы быть адвокатом... Высокий, красивый, статный... Завидный жених. Так красиво ухаживал, что я подумала: вот она, судьба, ожившая мечта, которую необходимо хватать обеими руками.

“Только вот моя Синяя птица оказалась обычной мертвой птичкой...” – мелькает в голове грустная мысль. Я прикладываю руку к пылающей от боли голове. Перед глазами все плывет от слез, поэтому вылетевший из-за угла огромный черный джип я вижу в последнее мгновение.

Раздается визг шин. Испуганная, я по инерции отступаю с дороги на несколько шагов, но этого оказывается недостаточно. Удар, пришедший на бок, сшибает меня с ног. Мир переворачивается. Я оказываюсь оглушена болью и страхом.

– Черт побери! – слышу громкий мужской голос. – Вы в порядке?..

Хватаюсь за раненый бок. Мир в мгновение сужается до одной-единственной точки: до пульсирующей боли и обиды, которая, кажется, разъедает все внутренности.

Вопрос, заданный встревоженным голосом, доносится будто сквозь толщу воды.

Поднимаю голову, растерянно всматриваясь в мужчину, возвышающегося надо мной.

Про таких принято говорить: самец и хищник.

Высокий. Такой, что едва я поднимаюсь на ноги, оказываюсь ему всего лишь по плечо. Крупный. Окидываю взглядом напряженные мускулы на руках, когда он помогает мне подняться. Черные глаза ошпаривают меня, а случайное прикосновение рук обжигает, так что я дергаюсь, чувствуя себя идиоткой.

Близость странного мужчины отдается в теле странным напряжением. Я прерывисто вздыхаю и обхватываю себя руками. Все что угодно сделаю, чтобы скрыться от этого пронизывающего взгляда. Холодного. Пронзительного. Жесткого.

“Я сошла с ума... Так реагировать... У меня наверное сотрясение мозга”.

– Все в порядке, – тихо отвечаю мужчине. – Простите, что так вышло...

– Максим Игоревич, – дверь шикарного джипа распаивается и оттуда выходит красивая холеная блондинка в белом брючном костюме. Смотрит на меня презрительно ледяными голубыми глазами, а мне сплунуть хочется.

“Везде блондинки...” – тоскливо думаю я.

– Девушка в порядке, – продолжает блондинка. – Она сама сказала. Дайте ей денег на врача, – она морщит носик и бормочет, впрочем, я отчетливо слышу, о чем она говорит: – Хотя есть ли в этой дыре врач, вопрос... Дайте девушке денег, она...

– Я сам разберусь, что делать, – кидает тяжелый взгляд через плечо названный Максим Игоревич. – Сядь в машину, Дарья Александровна.

Блондинка поджимает губы, но молчит, хотя, кажется, ей не нравится то, как он с ней обращается.

Мужчина поворачивается ко мне и заявляет:

– Я здесь ничего толком не знаю, поэтому поедете с нами.

– Что? – глупо хлопаю я глазами. От удивления на мгновение даже боль пропадает.

Он нетерпеливо морщится. Кажется, я испытываю его терпение.

– Мы едем на ферму, там должен быть врач.

– К Семену Михайловичу?..

– Максим Игоревич! – кричит блондинка из джипа. Нетерпеливо и раздраженно.

Он закатывает глаза, резко отвечает:

– К нему. Пойдемте.

И прежде чем я успеваю что-то сказать, подхватывает меня на руки!

– Что... Что вы делаете? – испуганно трепыхаюсь в его сильных руках. Почему-то отчетливо ощущаю, как его пальцы впиваются в место пониже моих ягодиц, и вспыхиваю ярким румянцем.

– Кажется, у вас нога подвернута. Когда поднимались, не могли встать на нее, я заметил, – он сурово хмурится, глядя на меня сверху вниз. – Возможно у вас повреждены органы, поэтому вам лучше не двигаться лишний раз.

– Спасибо...

– Я делаю это не для вас, – его угольно-черная бровь насмешливо ползет вверх и Максим Игоревич внезапно иронично улыбается, будто удивляясь моей наивности. – Не хочу, чтобы меня в убийстве потом обвиняли.

У него, кстати, внезапно красивая улыбка. Лицо мужественное, грубоватое: глубоко посаженные черные глаза, острые линии скул и носа, едва заметная щетина... Взгляд очень холодный. Такой, будто смотришь в заснеженную глубокую зиму. Но когда он улыбнулся, его улыбка мгновенно преобразила суровое лицо. На щеках я замечаю ямочки, которые почему-то сразу хочется потрогать.

“Людмила, успокойся! Слишком много потрясений за сегодня...”

Он осторожно открывает дверь, слегка наклоняясь ко мне, и я ощущаю холодный запах его одеколona. Одеколona и сигарет. Сглатываю непослушный комок в горле, изо всех сил ругая себя. Что со мной сегодня такое?

Максим Игоревич сажает меня в салон, и я тут же натываюсь на откровенно враждебный взгляд блондинки, которая, обернувшись с переднего сиденья, неотрывно смотрит на меня.

– Хочешь сказать, что на сделку с Суворовым она поедет с нами?

– А что тебя не устраивает? – вопросом на вопрос отвечает Максим Игоревич, но я уже не слушаю их дальнейшую перепалку, погружаюсь в мысли.

“Какая сделка может быть у этих городских с моим шефом? Неужели он хочет продать нашу ферму?”

Слухи о продаже фермы, на которой я работаю, ходят уже давно. Мой шеф, Семен Михайлович, в силу своего преклонного возраста, уже не справляется с ведением дел. Пора на пенсию ему, да ферму некому было передать. Ни сыновей, ни внуков нет, всю жизнь свою ферме отдал, даже о создании семьи не позаботился.

Грустно это все. Хотя я сама понимаю, что продажа фермы – единственный выход, который может лишь существовать для Семена Михайловича.

Да и коровы, которых и так осталось немного, стали болеть. Уж больно часто болеть, на мой взгляд. И виню я в этом хозяина соседней фермы, Владимира Андреевича. Потому что несчастья начались с тех пор, как он организовал свое хозяйство рядом.

“Может он, а может, мне это все просто кажется...” – уныло думаю я, трясаясь в джипе. Сейчас нет смысла рассуждать о будущем фермы, потому что я не уверена в своем собственном.

С чего бы начать? С тех пор, как я оказалась здесь, в деревне? Или с того момента, как мы с Мишей поженились и он проиграл нашу квартиру? Даже всего и не упомяну на самом деле, только понимаю, что как только связала с ним свою судьбу, не стало ни одного спокойного дня в моей жизни.

О том, что Миша играет, я узнала аж на второй год нашего супружества. До этого он как-то умудрялся скрываться, возможно, в этом помогал раздельный бюджет семьи. Миша преуменьшал свою зарплату, а играл на утаенные деньги.

Когда я узнала об этом, простила. Дура, конечно, была. Нужно было гнать его в шею, но тогда я забеременела. Свекровь говорила: “Куда ты пойдешь? Оставить ребенка без отца хочешь? Семейку разрушить? Как думаешь, другие живут? Все также! Лучше моего сына не найдешь!”

Теперь, когда свекрови нет, я жалею, что послушала ее. Нужно было бежать, сверкая пятками. Но время было упущено.

Когда дочке Полине стало пять, Миша проиграл нашу квартиру. Сходил в казино – где он только его нашел?! И проиграл.

Помню, как к нам пришел мужчина с хитрым взглядом, показал бумагу, и я осела в кресло. Миша был тихим и виноватым, все утешал меня, сказал, что мы начнем новую жизнь, стоит лишь переехать в деревню...

Туда мы переехали, но та новая счастливая жизнь, которую обещал мне муж, так и не наступила. Поля пошла в первый класс, а я устроилась на ферму ветеринаром. А Миша... он был как всегда. Тогда умерла его мать, и это стало еще одним обоснованием того, что он не работал и пил.

Теперь я понимаю, что в том, что происходило, была огромная часть моей вины. Если бы не наивность, не вера в то, что в Мише осталось хоть что-то человеческое... Все было бы по-другому.

Но он, кажется, воспринял мою любовь и веру, как слабость. И продолжал пользоваться мною, пока мое терпение, да и любовь не закончились.

– По-моему, мы заблудились... – прерывает мое тяжелые размышления голос Дарьи Александровны. – Ты уверен, что мы едем туда?

Максим Игоревич не отвечает, но вздыхает так тяжело, что я понимаю, как его раздражает ее вопрос. Мы останавливаемся перед развилкой, и я тихонько подсказываю:

– Вам налево. Там ферма.

Он смотрит на меня в зеркало заднего вида, но вновь молчит. Просто поворачивает туда, куда я сказала. Напряжение, повисшее в автомобиле, кажется, можно рукой потрогать. И я не понимаю, почему, да и не очень хочется в это вникать. Своих проблем предостаточно.

Не проходит и пяти минут, как мы подъезжаем к старому двухэтажному зданию. Максим Игоревич выбирается из машины и, прежде чем я успеваю что-то произнести, быстро открывает дверь в моей стороны. На ногу наступать действительно тяжело, поэтому я снова оказываюсь у него на руках. И вновь ощущение близости с этим почти незнакомцем вызывает во мне странное тяжелое волнение, от которого даже дыхание перехватывает.

– Максим Игоревич, добро пожа... Людмила? Что с тобой?..

Глава 2

Семен Михайлович спешит к нам, встревоженно глядя на меня.

– Все в порядке, – спешу успокоить старика. У нас с ним сложились хорошие отношения, он меня даже пару раз дочкой называл.

Максим Игоревич медленно ставит меня на ноги, и я, не удержавшись, ойкаю. Хватаюсь за мускулистое предплечье и лишь потом понимаю, что сделала.

– Простите... – шепчу, глядя на него. Взгляд Максима Игоревича темнеет, и на мгновение мне кажется, что мышцы под моими пальцами напрягаются.

– Ничего страшного, – низкий баритон мягко льется мне в уши, и я чувствую, как непрощенный внезапный румянец расплзается по щекам. Да что это такое?!

– У вас есть врач здесь? У нас кое-то случилось... – начинает Максим Игоревич, но я перебиваю его:

– Ничего страшного не произошло!

Ни к чему Семену Михайловичу, хроническому гипертонику, знать о моих неприятностях. И Максим Игоревич, к счастью, это понимает, кивает, пристально глядя на меня. Воздух между нами, кажется, сгущается, но невольно возникшее напряжение рушит Семен Михайлович:

– Да, конечно, врач есть. Светлана Васильевна, Людмиле Григорьевной нужна ваша помощь!

– А? – доносится из дома голос нашего врача. Она выбегает на улицу, всплескивает руками:

– Людка, ты чего это?

– Да тут ерунда... – морщусь я от боли. Делаю нерешительный шаг вперед, затем другой, но вновь вскрикиваю, когда сильные руки хватают меня за талию.

– Зря я вас отпустил, – горячее дыхание щекочет мне ухо, от чего я мгновенно покрываюсь мурашками. Максим Игоревич вновь поднимает меня на руки и идет вслед за Светланой Васильевной.

В его руках тепло и уютно. Но я все равно насторожена. Потому что кажется, весь лимит доверия к миру я израсходовала на своего непутевого мужа. Так и мерещится, что меня сейчас скинут с рук... Этот Максим Игоревич доверия особого не вызывает, пусть и не оставил помирать на дороге.

Вопреки моим мрачным мыслям, когда мы проходим в кабинет врача, он осторожно кладет меня на кушетку. Осматривает внимательно кабинет, недовольно хмурится и молча покидает помещение.

– Какой он пугающий... – шепчет Светлана Васильевна.

Пожимаю плечами и расслабляюсь. У меня не остается сил на то, чтобы что-то говорить. Главное, чтобы врач подняла меня на ноги, потому что мне еще нужно встретить дочь со школы.

Светлана Васильевна тщательно осматривает меня и ставит свой вердикт: ушиб груди и растяжение связок на ноге. Хорошо, хоть перелома нет.

С ее помощью яковыляю до кабинета Семена Михайловича. Только хочу постучать, как слышу негромкое, доносящееся из кабинета:

– Я прошу оставить весь персонал на своих местах.

– Вы же понимаете, что я построю на месте вашей фермы большой гостиничный комплекс? Некоторые из ваших работников сами уйдут... Неволить я никого не буду, но и увольнять – тоже. Только тех, кто совершенно не подойдет по профессии...

Мое сердце сжимается. Гостиничный комплекс... Что ветеринару делать там? Кажется, я скоро лишусь работы...

– Семен Михайлович продает ферму? – Светлана Васильевна стремительно бледнеет. – Как же так...

– Не беспокойтесь, вам-то на новом месте точно найдется работа, – горько улыбаюсь я. И моя улыбка тут же пропадает, когда дверь кабинета распаивается и передо мной предстает Максим Игоревич. Он мрачно, сверх вниз, смотрит на меня, и теперь его взгляд не сулит ничего хорошего.

– Подслушивали? – мягко улыбается он. Но улыбка эта, тонкая и острая, как бритвенное лезвие, заставляет меня невольно съежиться.

– Я... Мне надо идти. Я зашла попрощаться.

В моем случае слова о прощании могут оказаться пророческими. Ветеринару правда нечего делать в гостиничном комплексе. А судя по напору нового хозяина и то, что он смотрит на меня, как на надоедливую букашку, рассчитывать на какое-то снисхождение у меня не выйдет.

Поэтому я быстро прощаюсь со всеми. Беру небольшой костыль, который мне дала Светлана Васильевна, и бреду на выход из фермы.

Внутри все трясется от тяжелой тревоги.

“Я, кажется, скоро останусь без работы... Куда устроиться? Деньги будут очень нужны... Осень ведь, начало учебного года у Яны, нужно будет как-то выкручиваться... Развестись с Мишей, подать на алименты... Пусть где хочет, там и ищет деньги...”

Я устала быть ломовой лошадкой, устала тащить и наши с ним отношения, и семью на себе. В конце концов, Яна меня поймет, нам с ней будет лучше вдвоем... Легче. Правда же легче?

От тяжелого отчаяния подкашиваются ноги, но я усердно бреду до школы, почти опаздывая.

К счастью, тут идти недалеко, да и дочка должна дожидаться.

Как только Яна видит меня, ее лицо вытягивается, а в глазах мелькает тревога.

– Мама, что с тобой?

Кажется, что еще немного – и моя девочка заплачет. А вместе с ней и я зареву, как маленькая. Но я же взрослая, не могу позволить дочери еще больше волноваться за себя.

“Я должна быть сильной”, – та сама фраза, которая впечаталась в мой разум подобно клейму. Потому что нет другого выбора. Я бы и рада стать слабой, да только опереться не на кого.

– Дочь, да все в порядке, – мягко улыбаюсь я. – Небольшое происшествие на работе...

Сказать ей о том, что работы как таковой уже нет, я пока не готова. Даже сегодня я пришла с фермы пораньше, потому что работы, как таковой, уже не осталось. Еще одна корова Нюрка подохла, и я, расстроенная тем, что не смогла ее спасти, пошла домой. А придя, застала мужа за очередной изменой.

Про то, что Нюрки больше нет, тоже не спешу говорить Яне. Ей нравилась эта корова, она вообще у меня животных любит. Поэтому увожу разговор на другую тему:

– Как дела в школе?

Яна поджимает губы. Ее глаза затуманиваются, и она вздыхает:

– К нам в класс пришла новая ученица. Вся важная такая... Городская.

– Как ее зовут? – на автомате спрашиваю я, а у самой сердце сжимается.

“Слишком много городских в нашем селе...”

– Юлия Максимовна Левицкая, – хмурит брови дочка. – Мне она не понравилась...

“Максим Игоревич...” – всплывает в памяти имя будущего босса фермы. Кажется, он приехал не один. И, очевидно, собирается остаться здесь надолго.

“Значит у меня совсем нет шансов...” – уныло думаю я. – “В продуктовый магазин что ли попроситься? Недавно как раз новый открыли, может, им нужны продавцы...”

Отметаю грустные мысли. И тяжело вздыхаю. Главное, чего я сейчас жажду – это того, чтобы Михаила не было у нас дома. Иначе очередной сцены моя психика попросту не выдержит.

К счастью, будущего бывшего мужа действительно нет дома, когда мы возвращаемся. Как и его вещей.

“Неужели действительно послушался меня...”

– А где папа? – Яна с тревогой смотрит на меня.

Глубоко вдыхаю и выдыхаю. Кажется, сейчас состоится самый тяжелый разговор в моей жизни.

– Папа... Как бы тебе сказать. Понимаешь, Яна... Папа ушел от меня. Мы разводимся.

Никогда бы не подумала, что скажу такие слова собственному ребенку. Это я понимаю, когда вижу, как большие голубые глаза дочери наливаются слезами. Никогда бы не ранее не осознала, что буду чувствовать себя полностью разбитой, глядя на ее боль.

В этот момент я ненавижу Мишу. Ненавижу себя. Ненавижу нас обоих за то, что у нас не получилось. За то, что наш ребенок все это время наблюдал скандалы в доме и то, как разваливается наша семья.

– Яна... – шепчу.

Она плачет беззвучно, по щекам катятся слезы.

– Папа... бросил меня?

Эти слова – как удар поддых. Мгновение я хватаю ртом воздух, прежде чем натянуть на лицо улыбку:

– Конечно нет, что ты такое говоришь? Глупая, папа любит тебя...

Говорю это и сама себе не верю. Потому что точно знаю: Миша не хотел ребенка. Никогда. А я не смогла сделать аборт, потому что сразу, как только узнала... Сразу же полюбила своего ребенка.

Миша не желал появления Яны и всегда относился к ней с раздражением. И она это чувствовала. Тянулась к нему, как к отцу, но боялась его раздражения, которое нередко переходило в крик.

Я не могу сказать ей жестоких слов, поэтому просто тянусь к дочери и обнимаю ее. Она тихо всхлипывает мне в плечо, прижимается ко мне, будто безмолвно просит не бросать ее. Будто понимает, что отцу на самом деле наплевать на нее и на меня. Но тоже ничего не говорит.

И я молчу. Потому что молчание иногда лучше правды.

Вечером я наконец-то укладываю Яну спать. Зареванная, с красными глазами и носом, она кажется мне ужасно милой. Самой лучшей и самой любимой.

Осторожно накрываю ее одеялом и выхожу из комнаты. Сажусь в кресло, шевелю больной ногой. Не так уж и больно, получается. Работать смогу.

“Пока меня не уволят...”

Тишина в доме наконец-то не кажется мне угрожающей, она кажется умиротворяющей. Становится моим другом. Все потому, что Миши нет со мной рядом. Могла ли я подумать когда-то, что буду радоваться отсутствию своего любимого человека? Никогда.

“Но можно ли сейчас назвать его любимым?”

Всматриваюсь в темнеющую даль за окном. Осень постепенно входит в свои права, на улице уже холодает, дождик моросит. А мне... мне все равно, где он и что он. Хоть бы и сдох в какой-нибудь канаве под забором, совершенно без разницы.

Ничего. Абсолютно. Все чувства и эмоции выжжены его наплевательским отношением к нашей семье, к моим чувствам. Его изменами и бесконечным враньем. Меня от мужиков, кажется, всю жизнь теперь тошнить будет...

Невольно вспоминаю сильные руки Максима Игоревича, который подхватил меня, словно пушинку. Недовольный взгляд из-под черных пушистых ресниц я тоже помню отчетливо. От этого взгляда мороз по коже, если честно.

Даже если бы я и не узнала, кто он, то догадалась бы и так. Его фигура буквально окутана какой-то такой странной атмосферой... Такой, что хочется слушаться и подчиняться.

“Аура большого босса...” – с невеселой усмешкой думаю я. Мои мысли прерывает звонок мобильного. Сердце замирает, стоит мне увидеть незнакомый номер. Неужели опять Миша куда-то влип?

“Так и скажу ему, что больше не буду вытаскивать его из всяких передраг. Хватит, закончилась моя жалость, любовь, да и вообще все чувства!”

Воинственно киваю своим мыслям и, нажав на зеленую кнопку, начинаю говорить сразу же:

– Можешь даже не стараться вымолить у меня прощение. Домой обратно не пущу! Хватит уже играть на моих нервах!

– Не знаю, кто там на ваших нервах играет... – раздается в трубке приятный баритон, от которого у меня мурашки бегут по коже. – Я лично еще даже не начинал. Звонит ваш будущий начальник, Максим Игоревич Левицкий. Мне нужно, чтобы вы завтра подошли на работу. Это срочно. Вы сможете?

Прижимаю ладонь к пылающей щеке. Стыд-то какой! Нахамила сама не зная кому. И теперь этот страшный человек понял, что у меня проблемы!

“Хотя, в конце концов, какая разница”, – с тоской думаю я и тихо отвечаю:

– Да, конечно, подойду.

– Прекрасно, – сухо произносит Максим Игоревич и отключается.

Смотрю на сотовый так, будто он меня чем то обидел. Да уж, кажется, у нового босса сложилось обо мне не очень хорошее мнение.

Вылетела как бешеный олень, к нему на дорогу. Чуть дорогой автомобиль не помяла, столько хлопот со мной... Да и на работе я ему, похоже, не слишком нужна.

“Если Семен Михайлович уже передал ему дела, наверняка завтра уволит...” – мрачно думаю я.

Я понимаю, что ошибалась, когда думала о простом увольнении, когда Максим Игоревич на следующее утро сует мне бумагу практически в нос.

– Что это? – хмурясь, рассматриваю документ, а у самой глаза на лоб ползут. – Это что, заявление в полицию?!

– Людмила Григорьевна, – медленно растягивая гласные, произносит Максим Игоревич.

Поднимаю на него взгляд. Он сидит в небольшом кресле, закинув ногу на ногу, курит и пристально рассматривает меня. Невольно отмечаю, что он в этом маленьком кабинете (в

котором, между прочим, раньше сидел Семен Михайлович!) смотрится чужеродно и немного смешно.

Он практически заполняет собой весь этот кабинет. И кресло, того и гляди, под ним сломается.

– Думаю, что в нашем случае имел место саботаж. Или халатность, – заканчивает он. Взгляд – словно у хищника, готового к прыжку.

– Какой саботаж? – мой голос невольно дрожит, а затем прерывается. Судорожно сжимаю лист руками: – Я ничего не понимаю, я ничего не делала...

– У вас на ферме уже очень долго болели коровы. Болели, а потом дохли. Одна за другой, – чеканит он холодно. – Вы как ветеринар, должны были найти выход из этой ситуации, вылечить животных. Но вы этого не сделали, почему?

– Невозможно было выяснить, из-за чего пошла хворь! – возмущенно выдыхаю я. – Я говорила об этом Семену Михайловичу! Нужно было проводить диагностические исследования крови у скота... Если бы он был здесь, то сказал бы вам об этом! Где он?

– Его увезли в больницу, – мрачно отвечает Максим Игоревич, и я чувствую, что мое сердце проваливается куда-то в желудок.

Он тяжело вздыхает и тушит сигарету о дорогую стеклянную пепельницу, стоящую на столе. Вновь невольно отмечаю, что эта пепельница, да и сам Максим Игоревич так сильно дисгармонируют с кабинетом Семена Михайловича, что это даже раздражает.

– Что случилось с Семеном Михайловичем? Почему его увезли?

“Вы с ним что-то сделали?” – вертится у меня на языке, но я умудряюсь проглотить эту фразу. Ни к чему осложнять наши и так непростые отношения...

– Сердечный приступ, – отвечает Максим Игоревич. – Семен Михайлович успел передать мне все дела фермы. Деньги за нее уже поступили на его счет. Однако о болезни коров, да и о том, что вы хотели решить проблему, не рассказывал...

– И вы уже написали на меня заявление, – саркастически улыбаюсь ему. – Быстро, не разобравшись в вопросе...

– Отчетов, присланных патологоанатомом, достаточно, – сухо отвечает он мне. Однако по пульсирующей жилке на виске могу понять, что Левицкий очень раздражен. – Они датированы аж прошлым годом. За это время вы не сделали ничего, что могли бы сделать.

Мне не хочется оправдываться перед ним, но приходится.

– Все эти исследования стоят довольно дорого. Семен Михайлович, как вы понимаете, был в сложной ситуации... Поэтому дело затормозилось.

– Настолько сильно?

– У него не было денег даже выплатить зарплату работникам! – выпаливаю я в ярости. – Что мог сделать беспомощный старик? Сотрудники очень любят эту ферму, они пытались помочь, каждый по-своему... Если вы не в состоянии это понять, мне очень жаль! Но скажите-ка мне, вам-то эти коровы зачем сдались? Вы же отель тут собрались строить!

– Мне важны не коровы, – равнодушно смотрит он на меня. – А профессионализм сотрудников, которые здесь работают. Теперь, когда я получше узнал о ситуации, заявление подавать не буду, – он выхватывает из моей руки листок и рвет его. – Однако ваша persona вызывает во мне сомнения. Я думал о том, чтобы придержать должность ветеринара, потому что в отель могут приезжать состоятельные люди с питомцами... – его тяжелый взгляд прибавляет меня к месту. – Но все же сомневаюсь на счет вас. Семен Михайлович просил меня никого не увольнять. Я последую его просьбе. Поэтому вы напишите заявление по собственному желанию.

Его последние слова заставляют все внутри сжаться.

“И чего я ожидала? Думала, что он проявит милосердие только потому, что сбил меня? Глупость какая... Хорошо, что хоть заявление в полицию порвал...”

– Хорошо, – резко отвечаю я. – Давайте листок и ручку. Напишу.

Максим Игоревич протягивает мне то, что я прошу, вновь закуривает. Встает к окну, задумчиво смотрит в окно.

Краем глаза я различаю, что он переводит на меня взгляд. Тяжелый, задумчивый. Есть в нем что-то еще, но мне не удастся рассмотреть, что именно.

Быстро написав заявление, откладываю в сторону листок с ручкой. Встаю, беру костыль и, не попрощавшись, хромаю на выход. Больше не хочу находиться в одной комнате с этим человеком. И быть с ним любезной после такого у меня больше желания нет.

Максим Игоревич меня не останавливает. Спинай я ощущаю тяжесть его взгляда и спешу быстрее на выход.

Утренняя деревня подернута туманом. Озеро блестит словно зеркало, на которое попал луч солнца. Я медленно бреду вдоль него, пока не замечаю странный всплеск. Не у края, а подальше, ближе к середине.

Замираю. Сердце, умиротворенно бьющееся только пару секунд назад, вдруг начинает колотить в ребра, словно сумасшедшее.

И есть от чего.

На поверхность озера вновь всплывает детская голова.

– Помогите!

И, не выдержав, вновь скрывается в путях озера.

Забыв о больной ноге и ушибленной груди, откидываю костыль в сторону и как могу несусь на всех порах к озеру. Кажется, проходит лишь одно мгновение – и холодная вода смыкается над моей головой.

Я вынырываю и уже не чувствую ничего, кроме всепоглощающего ужаса. Тонул ребенок, это точно.

“Где же... где же ты?” – звучит судорожная мысль в моей голове. И, будто повинувшись её зову, светлая макушка вновь показывается над водой. Быстро гребу к ребенку, и он снова уходит вниз, кажется, совершенно обессилив.

Но я уже вижу отчетливый силуэт сквозь воду и, набрав воздуха в легкие, ныряю за ребенком.

Им оказывается девочка, примерно такого же возраста, как и моя Яна. Длинные светлые волосы опутали лицо, обмякшее тело медленно опускается на дно озера...

“Не позволю!”

Эта мысль придает мне сил и я, кажется, на последнем издыхании, подплываю к девочке. Хватаю ее за руку и тяну вверх, к воздуху, к жизни.

Мы обе выплываем на поверхность, но если я дышу, то она не подает признаков жизни. От осознания этого меркнет перед глазами, и я, схватив девчонку поперек талии, практически волочу ее за собой.

Некстати отмечаю, что тело тяжелеет, ноги начинает сводить, но я стараюсь не обращать на это внимания. Потому что спаси жизнь ребенка сейчас важнее.

Вот и берег. Плюхаюсь на него, затаскиваю девочку следом и тут же принимаюсь за реанимационные действия. Слышу какой-то шум вокруг, но мне не до него: руками изо всех сил давлю на грудную клетку девочке и быстро откачиваю ее.

– Держись... Держись... – бормочу себе зло под нос.

Этот момент борьбы со смертью кажется мне длиною в целую жизнь. И я стараюсь не думать о том, что будет, если я... если я...

– Все будет хорошо, – шепчу остервенело. – Ты же хорошая девочка, ты сможешь выбраться...

И она будто слышит меня. Из рта начинает литься вода, и я быстро переворачиваю ее на бок. Девочка кашляет, ее лицо, которое только недавно было синего оттенка, светлеет и наливается розовым румянцем.

Глубоко вздыхаю и падаю на песок, отмечая, что по щекам льются слезы, грудь, как и раненая нога, страшно ноют, а на плечи мне накинута шерстяной платок.

Понимаю, что на берегу полно народа. И тот шум, который обрывками доносился до меня, сейчас гудит в полную меру. Особенно, когда к берегу подбегает белый, как полотно, Максим Игоревич.

Он окидывает взглядом всю картину и, увидев девочку, бросается перед ней на колени.

– Юлька... Ты что наделала, – шепчет прерывисто. – Какого черта полезла в это проклятое озеро?!

“Дочь. Это его дочь”, – мелькает в моей голове, когда девочка открывает глаза. Такие же, точь-в-точь, как у Максима Игоревича.

– Мне было интересно, водятся ли здесь медузы, – шепчет она. А он с глубоким выдохом бормочет, прижимая ее голову к своей груди:

– Глупая, какие медузы в озере? Они только на море могут быть...

– А я читала в книжке, что они и в пресных водоемах живут...

– Какая ты у меня умная, – Максим Игоревич целует ее в лоб. Ему кто-то дает одеяло, и он укутывает Юлю в него. – Только больше никогда не проверяй эту теорию, ладно?

Юля кивает. Слезы бегут по ее щекам. Максим Игоревич заботливо вытирает их, а затем поворачивается ко мне.

Медленно сажусь, чувствуя, как от боли перехватывает дыхание. Шок прошел, и теперь все мои раны дают о себе знать, как и холод, который просачивается даже через платок.

– Вы спасли мою дочь. Спасибо.

Максим Игоревич подходит ко мне, протягивает руку. Моя маленькая холодная ладонь утопает в его теплой медвежьей. Поток тепла стремительно несется по венам, от чего я чувствую, как румянцем загораются щеки.

– Пожалуйста, – неловко шепчу я и встаю, когда он тянет меня к себе. Вновь замечаю, какой Максим Игоревич высокий и большой...

– Максим! Что случилось? О боже мой, Юленька! – доносится до меня голос Дарьи Александровны. – Что тут произошло?!

Глава 3

Максим

Поселиться в этой глуши – не предел моих мечтаний, однако ферма Суворова – лакомый кусочек, который я не мог упустить. Я давно уже присматриваюсь к земле, на которой она стоит. И уже не первый год мои помощники предлагали Суворову приличные деньги за все это хозяйство.

В этот раз мне принесли замечательные новости о плохом состоянии Суворова и о том, что ферма без надлежащего финансирования погибает. И теперь я сам приехал, чтобы уговорить несносного старика. Но когда ехал сюда, не понимал, во что ввязываюсь...

Вначале – авария. Потом – разборки с документацией, странности, которые таила в себе незнакомка по имени Людмила, а теперь и это... Моя дочь каким-то образом оказалась в озере и едва не погибла.

Судорожно обнимаю плачущую дочь, кляня себя за невнимательность. Стоило нам сюда переехать, все мои мысли заняли дела. Что я за отец такой?

– Все хорошо, все будет хорошо, – утешаю Юльку.

“Если бы не Людмила...” – смотрю на женщину, которая, съездившись, трясется под моим наверняка тяжелым взглядом. Не май-месяц на улице, конечно, но думаю, ее дрожь больше нервная. И как только в воду сиганула с больной ногой...

– Максим! Что случилось? О боже мой, Юленька! Что тут произошло?!

Спиной чувствую взгляд Дарьи, и от него поежиться хочется. Скорее бы она уехала отсюда. От ее навязчивого внимания хочется помыться. Уже жалею, что взял ее с собой в деревню. А она, как клещ, вцепилась в меня и ухватила за эту возможность.

Ну не может Дарья никак смириться с тем, что ее персону не интересует такого матерого холостяка, как я. Да, наш секс был хорош, да, она мой давний и надежный бизнес-партнер, но я уже начинаю жалеть о той маленькой ошибке, когда мы оба перепили на корпоративе, а потом оказались в одной постели.

Все же влюбленная баба – как таран, ее не остановят ни слова, ни поведение. На что она надеется, совсем не пойму.

Оставляю ненадолго Юлю и подхожу к Людмиле, помогаю ей подняться подняться на ноги. Дрожь, которой колотит ее, передается и мне. Такая сильная, что я снимаю пиджак и накидываю Людмиле на плечи.

Невольно отмечаю, что от ее мокрых волос пахнет чем-то приятным. Цветочным. Вижу, как по коже бегут крупные мурашки и почему-то едва не поддаюсь порыву растереть ее руки и плечи. Но вовремя останавливаю себя. Она и так напугана, может подумать, что пристаю...

Смотрит на меня недоверчиво и испуганно, снизу вверх, что во мне невольно разгорается раздражение.

– Спасибо, что спасли мою дочь. Я вам обязан.

– Максим, она спасла? Господи... – мельтешит Дарья где-то рядом, раздражая еще больше.

– Подвези Людмилу домой, – резко бросаю я бизнес-партнеру, от чего ее лицо лицо мгновенно суксится. – А я займусь дочерью.

– Хорошо... – бормочет Дарья. Людмила вздыхает и, кажется, хочет отказаться, но я пресекаю все разом:

– Завтра зайдите на ферму. Подыщем вам работу в соответствии с ее дальнейшим преобразованием...

Лицо Людмилы светлеет и она улыбается. А я чувствую странное стеснение от этой улыбки. Отодвигаю от себя Людмилу, и она медленно хромает к машине Дарьи, которую та уже успела подогнать.

Я смотрю на эту странную женщину, на ее тонкую, почти болезненную фигурку и отчетливо ощущаю, как от желания, голодного и злого, напрягается член в штанах.

“Чертовщина какая-то...”

Вечером, когда Юлька приходит в себя и отогревается наконец-то после бурного полоскания в реке, я везу ее в наш новый домик.

Двухэтажный, с тремя комнатами, гостиной и санузлом, он отлично подходит мне с дочерью, пока мы не построили отель. Я выкупил этот дом у одного мужика, который на радостях после этого укатил в город.

Когда мы приезжаем, Дарья уже там, суетится у плиты.

“Зря я ключ у нее не забрал...”

Она оглядывается, вся такая домашняя, и где только платье и фартук взяла? Солнечно улыбается и мягко произносит:

– Вы пришли... Юленька, как ты?

– Нормально, – сухо произносит дочь. – Буду в своей комнате.

Уже в который раз замечаю, что Юле не нравится Дарья. Да и в целом мне тоже не слишком приятно, когда на моей кухне хозяйничают без разрешения.

– Ты подвезла Людмилу домой?

– Конечно, – она отворачивается, сковородка шипит, блинчики что ли печет?

– Все документы готовы?

– Конечно, Максим. Иди мой руки, скоро все будет готово...

Подхожу к ней и сухо говорю:

– Спасибо конечно за твой труд, но Даша, давай не будем смешивать работу и личное. Все вот это... Мне оно не нужно. Я старый холостяк и не собираюсь ничего менять в своей жизни. То, что было между нами... оно было. И прошло. Большого мне не нужно.

Ее спина застывает.

– Блинчики хоть дожарить дай, – глухо отвечает она, но затем, в противовес своим же словам, с грохотом кидает лопатку прямо в сковородку.

Убегает из кухни, дав в себе рыдания. А я... я ничего не чувствую. Лишь тотальное равнодушие.

Хлопает входная дверь. В коридоре я нахожу фартук.

Кажется, я только что лишился бизнес-партнера.

С тяжелым вздохом прохожу на кухню и выключаю плиту. Я привык к одиночеству, привык к такой жизни и она меня устраивает. Что могу с этим поделать?

Воспоминания, тяжелые и болезненные, мелькают перед глазами. Всего лишь на мгновение, но я выпадаю из реальности, а когда вновь сюда возвращаюсь, кулаки сжимаются сами собой.

Правда в том, что я ненавижу женщин. После сокрушительного предательства Виолетты, бывшей жены, которая бросила нас с Юлькой, когда ей еще и двух лет не было.

– Роднунька, спускайся, блинчики на столе! – кричу я дочери и вскоре слышу негромкий топот. Юлька, бледная и грустная, наполовину перевешивается с лестницы, глядя на меня.

– Упасть хочешь? Чтобы больше этого не видел!

– Окей, больше не увидишь! – отвечает эта егоза. – А тетя Даша... она?

– Ушла, ушла, – спешу ее успокоить. – Иди, садись есть.

– А ты?

– А я в душ. Тебе бы тоже не мешало, вся продрогла...

– Все нормально, – уверяет меня Юлька и спускается.

Подавляю тяжелый вздох. Воспитывать в одиночку дочку, которая пошла характером в меня – та еще задача. Порой приходится тяжело. Но я стараюсь не унывать.

Дочь проходит на кухню и садится за стол. А я спешу в ванную, потому что хочу сбросить с себя усталость сегодняшнего дня.

Уже стоя под душем, почему-то никак не могу выкинуть из головы Людмилу. Я ей очень благодарен, но до сих пор не могу поверить в то, что она прыгнула в воду, чтобы спасти чужого ребенка. Такое просто не укладывается в моей голове. Сделала бы так любая другая женщина из городской среды, в которой я вырос? Не знаю. И может дело совсем не в том, где человек родился?

“Черт... Я слишком много думаю о ней. Устрою ее ветеринаром в отель, пусть собак и кошечек богатых клиентов осматривает. Зарплату хорошую буду платить. На этом – все”.

Но вопреки моим мыслям, в голове встает картинка ее растерянного мокрого лица, когда она увидела меня на берегу озера. Ее полуоткрытых красных губ, с которых стекали капли воды... То, как Людмила смотрела на меня: сверху вниз, и в ее глазах я видел испуг вперемешку с облегчением...

“Черт побери...”

Желание, острое и тяжелое, внезапно прокатывается по позвоночнику. Оно такое сильное, что я хватаю ртом воздух, словно выброшенная на воздух рыба.

“И что теперь со всем этим делать?”

Обхватываю ноющий от напряжения член, и шиплю сквозь зубы. Наслаждение настолько острое, желание настолько голодное, что мне хватает буквально нескольких движений, чтобы излиться.

Оргазм, острый, как бритвенное лезвие, проходится по позвоночнику, так что подгибаются ноги, а в голове становится пусто.

С облегчением выдыхаю.

“Ничего... Ничего. У меня просто давно не было секса... Ну хорошо, был, с Дарьей, но я ни хрена не помню”.

Выхожу из душа, вытираюсь. Чувство свежести и облегчения придают сил и хорошего настроения.

Которое, впрочем, тут же мгновенно испаряются, стоит мне зайти на кухню. Потому что на полу лежит дочь и не подает признаков жизни.

– Юля!..

Мгновенно оказываюсь около нее, подхватываю на руки. Дочь тяжело дышит и кажется огненной. Не теряя времени зря, быстро перетаскиваю ее на диван и набираю знакомый номер.

– Док, нужна помощь, – говорю сразу же, как только он берет трубку. – Моя дочь, она... – горло перехватывает от ослепляющего ужаса, но спустя мгновение я беру себя в руки и холодно цежу сквозь зубы. – Оплачу выезд по тройному тарифу, отправлю за тобой людей. Собирайся. Не приедешь – башку оторву.

Док приезжает быстро. Хмуро осматривает Юльку. Температура к тому времени поднимается до 39,5.

Она пару раз открывает глаза, но лишь для того, чтобы попросить воды. Как только выпивает, ее сразу же рвет.

– Классическая картина отравления, – задумчиво басит Док, взлохмачивая темные волосы. – Вы на море нигде не отдыхали?

Задумчиво качаю головой. Даю знак ребятам, застывшим около дверей. Мои помощники, которые предпочитают разбираться с проблемами повесомей отравления моей дочери, но преданные мне настолько, чтобы привезти сюда давнего друга, по совместительству лучшего хирурга страны.

– Я не педиатр, конечно, но девочке явно нужен регидрон, смекта...

Док продолжает перечислять лекарства, а я с досадой смотрю в окно.

Уже начинается смеркаться, и я понятия не имею, где здесь аптека.

– Попробую спросить у соседей.

Понятия не имею, кто живет в соседнем доме.

“Теперь познакомлюсь”.

Выходя из душа, я успел надеть домашние штаны и легкую футболку. Теперь накидываю поверх куртку и выбегаю на улицу.

Быстро пересекаю дорогу, перемахиваю через низкий забор. Надеюсь, хозяева простят мне эту вольность. А, оказавшись около двери, замираю от неожиданности. Потому что оттуда доносится истошный крик Людмилы:

– Не трогай меня!

Не думая больше ни о чем, делаю несколько шагов назад, а затем с разбегу вышибаю дверь плечом. Она, хлипкая и деревянная, тут же проваливается внутрь дома. И я вижу, как какой-то мужик держит ее за предплечье, сжимает. И от этого жеста, от взгляда в ее покрасневшие глаза, меня охватывает бешенство.

– Какого хрена? – рычу не своим голосом. – Убери руки от нее, мразь!

Глава 4

Людмила

Мысль о том, что этот тяжелый и страшный день наконец-то закончен, приходит ко мне лишь тогда, когда я сажусь в машину к Дарье. Мне не хочется ехать рядом с ней, тем более, что когда она садится в машину, выглядит так, словно унюхала кучу мусора.

Скашивает глаза, презрительно поджимает губы, а я... у меня просто сил нет на то, чтобы спорить с ней. Выгляжу наверняка, словно мокрая мышь, а на улице ветер. Легко могу подхватить пневмонию, и кто тогда нас с дочерью кормить будет? Мишка разве, который только баб своих, да бутылку видит?

Не время для гордости. Нужно подумать и о своем состоянии. К тому же, меня вроде теперь не выгоняют с работы. И я безумно благодарна Максиму Игоревичу, что он меня оставляет. Наверное есть в его сердце хоть какая-то благодарность за спасение дочери...

– Пристегнитесь, – холодный голос Дарьи вытягивает меня из тяжелых размышлений. – А то мало ли... Вдруг штраф из-за вас поймаю...

Едва удерживаюсь от усмешки. Какие штрафы могут быть в нашей глуши? Тут и камер-то на дорогах нет! Но ей не терпится, кажется, прицепиться ко мне, вылить свое недовольство на меня. Ослушаться приказа Максима Игоревича Дарья не смеет, и решает сорваться на мне.

– Хоть бы клеенку какую под себя подстелили, у меня от вас все сиденье мокрое... – она фыркает, и я, наконец, не выдерживаю:

– Я могу выйти. Дойти своим ходом, тут недалеко.

Все лучше, чем слушать эти упрёки. Добегу как-нибудь, а потом чаем с малиной дома отогреюсь.

Только я хватаюсь за ручку двери, как машина трогается с места. Дарья ничего не отвечает, но я и сама понимаю: спорить она больше не будет, тем более под взглядом Максима Игоревича, который помогает своей дочери, но, тем не менее, держит нас на прицеле внимательного тяжелого взгляда.

Я от него, если честно, мурашками покрываюсь. Красивый мужик, но уж больно суровый. У него дома, наверное, все по струнке ходят, вздохнуть лишний раз бояться.

Дорога проходит в молчании. Слава богу, что ехать недолго, и уже через пятнадцать минут я оказываюсь около дома.

– Спасибо, что подвезли, – все-таки вежливость никто не отменял. Однако на это Дарья лишь вновь презрительно фыркает. Машина, взвизгнув, скрывается за поворотом.

А я, испытав недюжее облегчение от того, что избавилась от контакта с этой неприятной особой, захожу в дом. Быстро раздеваюсь, кидаю грязную одежду в стирку и встаю под душ. Включаю почти кипяток, боясь, что все же подхватила простуду. Отмываю себя мочалкой, а перед глазами почему-то встает лицо Максима Игоревича, его суровый разлет черных бровей, мощная линия челюсти, острый нос и поджатые губы... Интересно, он когда-нибудь улыбается? Эти губы могут нежно целовать? Или босс даже целует – словно забирает волю?

Прислоняюсь лбом к горячему кафелю, струи воды бегут по лицу.

Я, кажется, сошла с ума. Зачем думаю о таком? Глупая...

После душа сушу волосы, заворачиваюсь в теплый халат и ставлю чайник на плиту. Звоню Светке, старой подруге, которая работает в школе.

– Светик, сможешь Яну со школы забрать? Я тут немного не успеваю, а еще покушать нужно сварить...

– Они почти закончили, – отзывается весело подруга. – Минут двадцать до конца урока осталось. Заберу твою вместе со своей, жди к чаю.

– Хорошо, – тихо смеюсь ей в трубку. – Заходите конечно. Всегда рада вас видеть.

Светлана работает медсестрой в школе, где учится Яна. Судьба точь-в-точь как у меня. Когда-то поверила в большую мечту, которую рассказал ей один подонок, а потом, забеременев, поняла, что дела со словами у него расходятся. Осталась одна с новорожденной дочерью, а ее муж один раз ушел за хлебом, да так и не вернулся. С тех пор прошло уже более восьми лет, да только где он, этот ублюдок?

Сдерживая тяжелый вздох, выключаю вскипевший чайник.

“Тот ушел сразу, а мы сколько с Мишкой мучались...”

Громкий стук в дверь заставляет меня вздрогнуть.

“Неужели так быстро Света с девочками пришли...” – думаю я и замираю, услышав голос Мишки:

– Открывай, сука! Думаешь, мы с тобой закончили?!

Сердце замирает от страха. Сжимаю ворот халата у груди, чувствуя, как с первым вздохом все внутри начинает трястись противной мелкой дрожью. Потому что я знаю этот его тон.

Развязный, расхлябанный.

Мишка пьян.

“Может просто притвориться, что меня нет дома? Но Света с девочками во-вот придут...”

– Я знаю, что ты там! Свет в окне горит, умница. Открывай!

– Уходи, Миш, – мой голос дрожит, но я стою на своем. – Мы с тобой уже обо всем поговорили. Я подаю на развод.

– Че ты там с кем поговорила? С кем что решила? Открывай! Я не дам тебе развод! Открывай! – дубасит он кулаками в хлипкую дверь. Она, моя последняя защита от него, того и гляди развалится. И тогда... Я не знаю, что будет тогда. Мишка по-пьяне был часто агрессивен, но как ни странно, еще не доходило до того, чтобы он поднимал на меня руку. Но сейчас... сейчас я уже ни в чем не уверена!

– Ты мне всю жизнь испортила! Семью рушишь, тварь!

– Я рушу? – сжимаю холодные руки в кулаки и делаю шаг вперед. От его слов, резких и несправедливых, все внутри загорается от ярости.

– Значит ты, когда водил сюда баб и бухал, не рушил ничего, да? Когда играл, не рушил?!

– Открой дверь, я сказал, – глухо отвечает он. – Поговорим.

– Нет!

– Я сейчас выломаю ее, ты понимаешь? Да нихрена ты не понимаешь! Если бы понимала меня, я бы не прикладывался к бутылке! А бабы эти... Я не любил ни одну, тебя только всегда любил, дура! Не душой изменял, а просто телом! Да это и за измену даже не считается!

Хватаю ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

Не могу поверить в то, что слышу такие глупости. Что этот человек говорит все с такой непоколебимой уверенностью и так легко перебрасывает всю ответственность за свои поступки на меня!

– Как ты можешь... – хрипло шепчу я и тут же подскакиваю на месте, когда слышу за дверью тихий голосок Яны:

– Папа?

Меня словно подкидывает. Я несусь к двери, распахиваю ее, отталкиваю Мишку и тяну Яну за руку к себе. А вслед за ней Светку с ее дочерью Леной.

Но успеваю заметить, как глаза дочери уже наливаются слезами. Она была частым свидетелем наших скандалов, но сейчас я даже боюсь себе представить, что она могла услышать.

Светка заталкивает меня, Яну и Лену в комнату, а затем резко разворачивается к Мишке, который тоже хочет проникнуть вслед за нами в дом.

– А ты куда, козел?! – громогласно вопит она. – Пошел вон отсюда! Ишь приперся! Иди туда, откуда пришел!

– Не мешай мне, стерва! Впусти!

Он с неожиданной силой толкает Свету внутрь и заваливается в дом сам. Дверь за ним захлопывается.

– Девочки, идите наверх и что бы ни случилось, не открывайтесь, пока я сама не найду. Закройтесь на замок! – быстро произношу я и рявкаю, видя, что они застыли: – Ну же!

Они убегают. Светка поднимается на ноги и с яростью выдыхает:

– Все мужики одинаковые, Люд. Только мне повезло больше. Мой как ушел, так и нет его. А ты вот это все, – она показывает на покачивающегося на ногах Мишку, – целыми годами терпела.

– Рот закрой, – глухо роняет Мишка.. Спустя мгновение переводит на меня тяжелый мутный взгляд, и я вздрагиваю, словно от пощечины.

– Ты нам не нужен, – шепчу ему. – Убирайся, иначе я вызову полицию!

– Слишком много о себе возомнила, тварь, – в его взгляде я вижу ненависть, агрессию и злобу. И внутри меня что-то сжимается. Я никогда не видела его таким. А может быть, и не знала вовсе человека, с которым жила? И теперь он хочет мне отомстить за то, что я наконец-то раскрыла его сущность?

– Какой же ты подонок, – качает головой Света. – Люда, я не буду этого больше слушать! Звоню ментам...

Она достает телефон, чтобы вызвать полицию, но тут же вскрикивает. Как вскрикиваю и я от неожиданности. Потому что Мишка бросается на нее, выбивает телефон из рук и, кажется... тянется к ножу!

Я успеваю добраться до Мишки первой. Повисаю на его спине, мешая добраться до ножа. Охвачена красным маревом ужаса, ярости и боли. Все это смешалось в гремучую смесь... Не знаю, откуда во мне берутся силы. Наверное от осознания, что мой пока еще законный муж сошел с ума, а наверху наши девочки, которым он тоже может навредить...

Я не дам ему этого сделать. Не позволю. Своей жизнью пожертвую, но он не коснется Яны и Лены.

Под тяжестью моего тела Мишка валится с ног, но успевает влить Светке пощечину. Она падает и больше не встает.

– Что... что ты сделал? – мой голос дрожит, и я отпускаю его, кидаюсь к подруге, которая лежит без чувств на полу.

– Давно нужно было вырубить эту суку... – Мишка вытирает пот со лба и тянется ко мне: – Теперь твоя очередь...

– Не трогай меня. Не подходи! – шепчу я и бросаю быстрый взгляд на лестницу. Не буду кричать, чтобы девочки не выбежали...

Он хватается за горло. Его глаза, красные и бешеные, наверняка будут преследовать в самых страшных кошмарах.

– Всю жизнь мне испортила! – шипит Мишка.

Отдираю от себя его руки, отталкиваю:

– Не трогай меня!

Все же срываюсь на крик, зажимаю себе рот рукой.

В этот момент моя хлипкая деревянная дверь, трещит и проваливается внутрь. Страшное “бум!” доносится словно сквозь толщу воды. Из темной улицы в дом залетает мощная фигура... босса?!

– Какого хрена? Убери руки от нее, мразь!

– Ты еще кто, блядь? – взрывается Мишка.

Вместо ответа Максим Игоревич подлетает к нему и впечатывает в его скулу мощный кулак. С криком будущий бывший муж валится на пол.

– Что вы... как вы... здесь?

У меня зуб на зуб не попадает. Холодный ветер с улицы обвивает голые лодыжки, залезает под халатик. Босс снимает с себя куртку, накидывает мне на плечи. Смотрит сверху вниз:

– И часто у вас такое происходит?

Он не собирается отвечать мне на вопросы.

– Это... такое вот впервые, – прижимаю холодную руку к губам. – Вы... убили его?

– Нет конечно, – босс пинает мужа под ребра, тот тихо стонет. – Отрубился, тварь.

Тут его взгляд падает на Светлану. Максим Игоревичи склоняется к ней, проверяет пульс, мрачно смотрит на ее щеку, налившуюся синяком. Переводит тяжелый взгляд на дверь, роняет мрачно:

– Вашей подруге нужен врач, а этому... – он вздыхает: – Я позвоню ментам, все решат.

– Спасибо...

– Я живу тут по соседству. Моей дочери стало плохо, я хотел попросить лекарств, но услышал ваши крики. Дверь... Я оплачу вам дверь, поставят новую, не переживайте. Есть где переночевать?

– Я... я не знаю, – слезы наворачиваются на глаза, катятся по щекам, и я хотела бы их остановить, но, кажется, произошедшего сегодня слишком много для меня. Тряска возвращается, меня трясет быстро и резко, я не могу поверить в то, что все в порядке. Теперь все в порядке. Благодаря этому суровому мужчине, который ворвался в мою жизнь и мой дом.

Внезапно слышу тяжелый топот ножек. Девочки спускаются со второго этажа.

– Мама! – лицо Лены вытягивается и она бросается к Светлане, которая уже приходит в себе, со стоном садится на полу, держась за голову.

– Где этот му... А-а-а, его вырубili. Людка, вызывай ментов!

– Я вызову, – бросает холодно Максим Игоревич и проходит к двери. Берет ее словно игрушечную и ставит в проем, пытаясь прервать поток холодного воздуха, проникающего в дом.

Глядя на то, как под одеждой перекачиваются и бугрятся мощные мышцы, чувствую, как меня окатывает жаром.

– Это что за мужик? – тихо спрашивает Светка, потирая щеку и обнимая дочь.

– Мой босс, – шепчу ей. – Яна?

Дочка осторожно садится в кресло, молча плачет, глядя на лежащего на полу Мишку.

– Он... умер? – тихонько всхлипывает она.

– Что? Нет, нет, конечно! – кидаюсь к ней, вытираю слезы. – Все будет хорошо, моя дорогая, все хорошо...

– Я вызвал ментов, минут через десять будут, – возвращается к нам босс. Окидывает меня и дочь долгим взглядом, а я сразу же вспоминаю его слова.

– Какие вам лекарства нужны?

Пожалуй, это единственное, что я могу сделать для него сейчас, чтобы отблагодарить.

– Сметка, регидрон... – начинает перечислять он, а я догадываюсь:

– Отравление? Да когда ваша дочь успела...

Чувствую внезапную дурноту, которая сжимает горло. Встаю, направляюсь к шкафчику с лекарствами. Открываю его. Неужели я все же простыла? Или это от нервов?

Максим Игоревич внимательно смотрит на меня:

– Что с вами? Вы покраснели...

Он притрагивается к моему лбу, а у меня ощущение, что его грубые пальцы оставляют на коже ожог.

– По-моему у вас температура.

– По-моему...

Я не успеваю закончить, потому что меня выворачивает наизнанку. Прямо на его блестящие дорогие туфли.

Наступает оглушительное молчание.

Я не могу никак оправдаться за свой внезапный порыв, но стыдиться долго не приходится: от нового позыва меня вновь накрывает. Я едва успеваю отвернуться от босса...

– Лекарства... в шкафчике... – выдавливаю из себя.

Слышу топот ног, грохот. Крики, гам и шум, Светкино оханье и аханье...

Все сливается в один монотонный шум, который накрывает меня с головой.

И я даже не успеваю заметить вначале: когда рвота прекращается, меня осторожно поднимают на руки.

– Что... Что вы делаете... – шепчу, чувствуя, как горят лицо и шея. – Полиция... Дочь... Мужа забрать надо. Да и дверь... вы сломали мне дверь...

– Это все, что вас сейчас волнует? – рявкает Максим Игоревич и встряхивает меня: – Придите в себя. Вы вся горите. У меня врач дома, он вас осмотрит! Дверь вам поменяем. Девочки идут с нами, да, и Света тоже, – сурово смотрит он на притихшую подругу. – Соберите пожалуйста девочек, а лучше... – он хмурится. – Лучше заберите пока на пару дней к себе, потому что, если я не ошибаюсь, та штука, которой болеет Людмила, заразна. И у меня дома тоже ребенок болеет, он тоже заразен...

– Я заберу девочек к себе, – лопочет растерянно Света. – Но... как-то с Людмилой связаться надо будет...

– Я сам с вами свяжусь. Сможете чуть позже ее навещать.

– А как же полиция... – беспомощно бормочу я.

– Так вот они, – он поворачивается со мной на руках, и я с удивлением замечаю нескольких сотрудников милиции, записывающих данные в свои блокноты.

– Что, доигрался Мишка, – сурово бормочет капитан полиции Лапшин. – Давно пора. Забирай его, Вить.

– Понял, – отвечает второй. – Что с дверью-то делать будете? У нас тут, конечно, воров нет, но... – он с сомнением поджимает губы.

– Я все решу, – хмуро отвечает босс и сжимает свои руки. Совершенно нехстати я чувствую, как бешено колотится сердце, грозясь вырваться из груди.

Я заболела, точно заболела! Иначе не могу объяснить, почему мне так хорошо в его объятьях...

Он подходит со мной на руках к шкафчику с лекарствами.

– Я могу сама встать...

– Сами вы уже пробовали, – отрезает он. – Берите лекарства и уходим.

Мне ничего не остается, как послушно схватить все необходимое и тихо прошептать:

– Спасибо... За все.

Босс коротко кивает. Мы дожидаемся, пока девочки со Светой соберутся, пока бесчувственного Мишку под руки уволочут в милицейскую “буханку”. Босс умудряется плотно приставить покосившуюся, пока я нахожусь у него на руках. А когда я все же пытаюсь сползти, сжимает лишь крепче.

– Я вас никуда не отпускал.

Чувствую отчетливое желание уткнуться носом ему в грудь. Уже давно я не чувствовала себя женщиной, которой не обязательно быть сильной, не обязательно все тащить на себе.

Конечно, это всего лишь иллюзия. Недолговечная. И я все себе придумала...

Но эта иллюзия такая сладкая, от нее тянет где-то около сердца, томно и мягко, что приходится задерживать дыхание от страха, что босс заметит, как сильно бьется мое сердце...

Он куда-то несет меня, и я даже холода не чувствую. Зато внезапно с ужасом ощущаю, как тошнота вновь подкатывает к горлу. Все томные мысли вмиг вылетают из головы, и я шепчу хрипло:

– Вам нужно срочно поставить меня на землю, иначе...

– Мы уже пришли, – отвечает босс твердо. – Терпите до ванной, Людмила.

– Судя по всему, симптомы такие же, как, как у вашей дочери, – задумчиво тянет Док, глядя на градусник. – 38 и 5, Людмила. Странно, это, конечно... Похоже на отравление.

– Они в озере искупались обе, – мрачно смотрит на него Максим Игоревич.

– Может быть, там какая зараза водится?

Прикрываю глаза, чувствуя, как в голове пульсирует боль. И, кажется, разгадка нашей болезни.

– Около озера пасся наш скот... – обессиленно шепчу боссу. – А потом... потом...

Его лицо каменеет. А я закрываю лицо руками, чувствуя, как от ужаса сжимается сердце.

– Док...

– Я понял-понял. Сейчас позвоню ребятам, пусть возьмут воды из озера на анализ, – сумрачно кивает тот. – Лечитесь, поправляйтесь.

Отнимаю руки от лица с медленно киваю, сил, в общем-то, даже улыбаться у меня не осталось.

Максим Игоревич провожает Дока, а когда возвращается, я слышу, как он разговаривает по телефону:

– Дверь надо поменять. Когда? Завтра с утра чтоб все готово было. Наплевать, сколько это стоит будет. Как нет людей? Это не мои проблемы, Сергей! Решай вопрос, пока я тебе язык не вырвал за твои слова!

Невольно ежусь и сворачиваюсь под одеялом. Все-таки босс – страшный человек, и я рада, что он на моей стороне.

– ... воду возьмут на анализ. Даже боюсь себе представить, что за дрянь там обитает. Пусть весь оставшийся скот отгоняют от него, чтоб окончательно не подошли. Постройте загон, я денег дам. Посмотрим, что получится. Воды и сена привезите, знаков там каких-нибудь... Да я откуда знаю, каких? Я похож на фермера? Ты мой помощник, занимайся! Стройматериалы заказал? Мне нужно быстрее снести старое здание, инвесторы ждут свои деньги обратно...

“У него вся жизнь, кажется, по расписанию... А тут я еще свалилась на голову”, – с грустью думаю я.

Как ни странно, я совершенно не беспокоюсь о Мишке. О том, как он сейчас там, в отделе полиции, очнулся или нет. Вообще все равно. Все перегорело во мне. А сегодняшний инцидент лишь добавил понимания, что дальше так продолжаться не может.

“Только бы быстрее поправиться... И тогда сразу же подам на развод с этой сволочью...”

– Как вы себя чувствуете? – врывается в мои размышления громкий голос босса.

Разлепляю сонные веки, бормочу:

– Все хорошо, спасибо...

Максим Игоревич возвышается надо мной, лежащей на диване в гостиной, холодно смотрит.

– Я подниму вас на второй этаж.

Он подходит ближе, но я дергаюсь:

– Не надо! Мне и здесь хорошо. До ванной недалеко, а там я ничего не знаю... Извините.

На мгновение мне становится стыдно за свой каприз, но босс кивает:

– Хорошо. Если что, зовите, я буду рядом.

Среди ночи меня будит какой-то странный шум. Распахиваю глаза и вскакиваю с постели, путаясь в одеяле.

С грохотом падаю на пол, не понимая, где я, что со мной и почему так сильно лихорадит.

И лишь потом, когда выворачиваюсь из своего кокона, понимаю, что нахожусь не у себя дома, а у своего босса. Воспоминания прошлого вечера накрывают с головой, и становится так стыдно! Максим Игоревич все видел... Видел, как я живу. Пожалел меня, наверняка...

– Вы кто? – слышу тихий голос.

Глаза, привыкшие к темноте, различают девочку, покачивающуюся на лестнице. И, насколько я могу разглядеть, выглядит она испуганной.

– Спокойно... Спокойно. Я гостя твоего папы. Меня зовут Людмила, а тебя?

– Юля...

Она делает шаг вперед, но не промахивается мимо ступеньки.

Как ужаленная, подскакиваю на ноги и несусь вперед, пытаюсь поймать девочку.

Успеваю в последний момент, когда она с криком летит по лестнице. Ловлю ее, но из-за собственной слабости, покачнувшись, все же приземляюсь на попу больно.

– Уй!

Юля, к счастью, цела. Возится в моих руках, поднимает голову, шепчет:

– Простите... Я попить захотела. В горле сухо. Папа уснул в кресле, не стала его будить...

– Пойдем, я налью тебе... – трогаю ее лоб.

Кажется, она пылает.

– Как ты себя чувствуешь? – вроде бы глупый вопрос, учитывая ее состояние, но мне нужна конкретика.

– Голова болит сильно... И, кажется, у меня температура...

Поднимаемся на ноги, бредем на кухню.

“Бедный ребенок, такие испытания выпали на ее долю... Чуть не утонула сначала, теперь вот отравление...” – потираю ушибленную попу, стараясь не думать о себе.

Не думать о предстоящем разводе. О возможной грязи, которая вновь польется на меня. О Мишке, про которого даже слушать ничего не хочу, не то что видеть...

Наливаю Юльке воды, бормочу:

– Пей понемногу, а то снова может стать плохо... Маленькими глотками, вот так, да...

– Что вы тут делаете? Чего не спите?

Оборачиваюсь.

Со второго этажа на нас смотрит Максим Игоревич. И мало того, что он зол, так еще и полуголый!

Глава 5

Максим

После вечера, наполненного тревогой и яростью, меня вырубил около постели дочери. И теперь, когда я открываю глаза и не нахожу эту егозу рядом, меня охватывает паника, сравнимая, пожалуй, лишь с тем чувством, когда я увидел, как тонет Юлька.

Вскакиваю на ноги и несусь на лестницу, позабыв о том, как выгляжу, что у нас гости... А когда передо мной предстает Юлька в объятьях Людмилы, замираю.

Женщины рядом со мной никогда себя так не вели.

Даже если и относились к Юльке по-доброму, я ведь не идиот. Я прекрасно понимал, что каждой из них было что-то нужно от меня. И они стремились это получить даже с помощью моей дочери.

Неважно что. Деньги, власть или же мою любовь.

Всегда тонкие коварные руки тянулись к моей груди. Вне зависимости от того, что было нужно: бумажник или сердце.

Даже Дарья, которая смогла попасть ко мне в постель, мечтала о совершенно других отношениях, чем я мог предложить.

Все они одинаковые. Поверхностные, с пустыми глазами, с одинаково улыбающимися пухлыми губами, которые готовы распахнуть по одному моему велению.

Скучно. Не интересно и дешево.

Так я думал.

Но теперь, когда я вижу, как Людмила обнимает Юлю, как медленно и аккуратно похлопывает ее по плечу, комок, сжатый в груди, постепенно распускается.

Мне становится спокойнее. И это спокойствие злит. Как и сама Людмила, какого-то черта появившаяся в моей жизни.

Зачем она пришла? Зачем я ее увидел? Почему не могу выкинуть из своей головы?

Сейчас я даже не думаю, что сам в этом виноват: сломал дверь ее дома, утащил почти на плече, как чудовище – свою добычу. Даже не спросил, согласна ли она... Просто поставил перед фактом.

Потому что кровь закипела, когда увидел ее в той халупе с этим ублюдком, который смотрел на нее, как на свою собственность!

“Спокойно... Спокойно”.

Выдыхаю сквозь сжатые зубы. Ярость ворочается внутри, тяжелая и хищная, словно готовая к броску кобра.

Эта женщина не виновата в том, что у меня беды с башкой. Не виновата, что предстала передо мной в таком виде: распаленная от температуры, раскрытая, тяжело дышащая. Она не виновата, что один вид ее полуоткрытых губ вызывает во мне прилив дикого желания. Не виновата в том, что я как идиот пялюсь на то, как мягко она обращается с Юлькой...

Я. Я во всем виноват. Я должен это остановить.

Дело с этой чертовой фермой, которая должна стать отелем, и правда осложнилось. И теперь я должен разбираться с проблемами Людмилы. Не то, чтобы это было сложно, если понадобится, я даже помогу ей починить дом и устроить развод с тем неудачником... Все сделаю, лишь бы она находилась от меня как можно дальше.

– Что вы тут делаете? Чего не спите? – получается грубее, чем я рассчитывал.

Людмила смотрит на меня снизу вверх, в ее глазах мелькает тень удивления и еще чего-то такого... И тут я, наконец, понимаю, что вышел к ним полуголый.

– Ваша дочь захотела пить. У нее высокая температура.

Медленно спускаюсь к ним. Подхожу ближе.

– Встать сможешь? – спрашиваю Юльку. Та кивает и тяжело глотает.

– Я... Я могу, конечно, но пап, меня тошнит... – ее большие глаза наполняются слезами и Людмила спохватывается:

– Давай я тебя доведу. Сможешь?

Юлька вновь кивает и они обе поднимаются на ноги.

Задерживаю дыхание.

Запах этой женщины почему-то сейчас ощущается особенно четко. Смесь мандаринов и ромашки...

“Женщина-праздник...” – ословело смотрю на груди, обтянутые тонкой майкой. И вижу, как просвечивают соски. Я мог бы...

– Мы пойдем, – ее голос дрожит.

Прикрываю глаза и киваю.

– Я буду ждать здесь, если не хотите, чтобы смотрел, – глухо отвечаю ей, и она кивает.

Когда они скрываются в ванной, едва слышно выдыхаю. Сажусь на диван. Беру в руки одеяло, и как одержимый вдыхаю в себя запах.

Мандарин-ромашка.

Поправляю твердый член, радуясь, что одет в свободного кроя домашние брюки.

И тут же подскакиваю на ноги, потому что из ванной раздается приглушенный вопль!

Подскакиваю на постели и со всех ног несусь в ванную. Застываю там, едва переводя дух. Юлька рыдает на плече у Людмилы, большие крупные слезы катятся по ее щекам.

– Что случилось? – хрипло шепчу я, переводя дыхание.

Осматривая обеих на предмет повреждений или еще чего-то непонятного, потому что уже не уверен, что могу их оставить без присмотра надолго! Это ж седым так легко стать!

– Ей показалось, что возле раковины пробежала мышка... – извиняющимся шепотом отвечает Людмила. Смотрит на меня так, словно сама увидела эту мышку и сама во всем виновата.

– В доме проводилась проверка, всех тварей выводили, – возвожу очи к потолку. – Вы меня с ума когда-нибудь сведете, честное слово...

– Прости, пап... – всхлипывает Юлька, а я лишь машу рукой.

Людмила крепче обнимает мою дочь, и в ее взгляде внезапно мелькает осуждение.

– Ребенок болеет, мало ли что причудиться могло. Выйдите пожалуйста, я приведу ее в порядок.

Тяжело вздыхаю, но делать нечего. Придется послушаться, иначе эта женщина, кажется, меня точно выгонит. Чувствуя странное удовлетворение, плетусь на кухню и ставлю чайник на плиту. Когда мне стало нравиться, что со мной так разговаривает женщина? Вообще никогда никому такого не позволял, даже бывшей жене, но...

“Черт побери, все как-то сложно...” – не сдержавшись, зеваю и встряхиваю головой, пытаюсь отогнать тяжелую сонливость.

Они медленно выходят из ванной.

– Я положу ее на диван, вдруг снова станет плохо... – бормочет Людмила.

– Тогда идите в гостевую комнату.

– Я не хочу спать...

Людмила мягко укрывает Юльку, которая сворачивается калачиком, подходит ко мне.

– Нужно дать ей лекарства... О, чай тоже подойдет.

Вблизи Людмила кажется еще меньше. Бледной и худой. Щеки впали, глаза огромные, какие-то напуганные.

“Неужели так меня боится?” – думаю я и вспоминаю, что так, черт побери, и не оделся.

А, приглядевшись к своей гостье, замечаю, что ее всю трясет.

– Вам холодно? – касаюсь кончиками пальцев огненного лба. У Людмилы чуть ли зубы не стучат. Наливаю ей стакан прохладной воды.

– Пейте.

Она хватает его, наши пальцы соприкасаются, и я задерживаю дыхание. Разряд напряжения проходит сквозь кончики, дрожит во мне струной, пронзает, кажется, до самых пят. Чертовщина какая-то.

Людмила пьет жадно, почти не глотая, капли воды стекают на шею, скрываются за легкой кофточкой...

Отвожу взгляд. Ненормальный озабоченный придурок.

– Идите спать, – резко произношу я. – Сейчас дам вам лекарства. О Юльке сам позабочусь.

– Но...

Она растерянно смотрит на меня, а мне хочется, чтобы Людмила отвернулась. Нельзя, ну нельзя быть такой... такой открытой. Будить во мне что-то хищное, которое утробно урчит, когда я смотрю на нее.

“Опасно”.

– Завтра будут анализы. Придет Док и все объяснит... – отворачиваюсь от нее. – И мы будем решать, что с вами делать дальше.

– Что вы имеете в виду?

Ее голос, тонкий и напуганный, вонзается мне в спину подобно острой игле. Невольно передергиваю плечами. Не думал, что это будет больно.

– Не беспокойтесь, я вас не уволю. Я сдержу обещание. Будете штатным ветеринаром при отеле. Вопрос с вашей дверью будет решен в ближайшие дни. А пока что придется пожить здесь... Если вы не против конечно.

Последние слова почти выдавливаю из себя.

Я не привык предлагать, не привык идти на компромисс. Потому что его ищут те, кто со мной общается. Но с этой Людмилой снова все идет не так!

– Я... я поняла... Спасибо вам за все.

Протягиваю ей лекарства, она их берет.

Слышу ее тихие шаги за спиной и с облегчением понимаю, что Людмила уходит.

Делаю чай Юльке и сажусь на кресло напротив дивана. Дочь не дождалась чая и просто уснула.

Надеясь, что это все приключения на сегодня, я с чувством выполненного долга вырубаюсь прямо на этом самом кресле.

– Поздравляю, Макс, ты влип.

Сжимаю в руках результаты анализов воды. Сминаю листок в безмолвной ярости, пытаюсь справиться с порывом швырнуть его в Дока.

– Э-эй, гонцов не казнят, ты это знаешь?

– Замолчи сейчас. Просто заткнись, – рычу и все же швыряю несчастный листок на пол.

Людмила, все еще бледная и болезненная, обнимает Юльку, которая во все глаза смотрит на меня.

– Что там?

– Кто-то очень умный сливал в ваше озеро химические отходы!

Людмила становится белой, словно мел. Кажется, она едва держится на ногах.

– Садьте, не маячьте перед глазами! – рявкаю на нее. И она послушно присаживается в ближайшее кресло.

Вышагиваю по кабинету размеренно и резко, словно это поможет мне собраться с мыслями.

– Лечение для дам подберем, – ловко вставляет Док. – Хапнули, судя по всему, немного этой отравы... Все можно поправить.

Киваю, напряженно отвечаю ему:

– Вызови сюда дополнительных специалистов, если понадобится. И побольше лаборантов. Нужно понять, как очистить воду. Черт побери, старый хрыч продал мне эту ферму, явно не зная, какие у нее проблемы!

Запускаю руки в волосы.

– Главное, чтобы проблем больше не было...

– Вас только это волнует, да?

Тонкий яростный голос Людмилы разрезает повисшую тишину.

Медленно оглядываюсь на нее. Она сжимает Юльку, которая обиженно смотрит на меня.

– Нет, ну конечно же, нет, – смотрю дочери в глаза, тяну к ней руки, успокаивая своего внутреннего зверя, который так и тянется нарычать на Людмилу.

Юлька шлепает ко мне, хватается за шею:

– Это я виновата, папа...

– Нет, ну что ты, глупышка моя, ты тут ни при чем... – бормочу я, глядя ее по пушистым волосам. – Это папе нужно было смотреть, что он покупает... – бросаю косой взгляд на Людмилу.

Опять этот недовольный взгляд. Словно я снова допустил ошибку в отношении с дочерью. Но Людмила тут же отворачивается, словно признает за собой то, что она, по сути, не имеет никакого права даже на безмолвное осуждение.

Где-то в доме тихо звонит ее телефон. Медленно она скрывается в зале. Телефон звонит и звонит, а Людмила не берет трубку.

Нахмурившись, шагаю вслед за ней, встаю за ее спиной.

На экране телефона высвечивается слово “Муж”.

Сухое, обезличенное слово. Лишенное любви. И я почему-то ухмыляюсь именно этому факту.

Наклоняюсь к Людмиле, шепчу ей на ухо:

– Возьмите трубку.

Она вздрагивает и чуть ли не роняет телефон. Оглядывается на меня и выдавливает:

– Не хочу.

– Я могу сам, – выхватываю у нее сотовый и мягко ставлю Юльку на ноги.

– Зайка, беги к дяде Доку, мы сейчас подойдем.

Юлька кивает и скрывается в кабинете.

– Отдайте! – Людмила подпрыгивает и налетает на меня, пытаюсь отнять мобильный.

Я понимаю, что веду себя глупо, как малолетний пацан, которому понравилась девочка и он решил подергать ее за косички, но почему-то ничего не могу с собой поделать!

– Он ведь не отстанет от вас. Лучше решите все сейчас.

Нажимаю на зеленую кнопку и ставлю на громкую связь. И кидаю ей телефон, который Людмила ловит обеими руками.

– Ты где?! – доносится до меня громкий разгневанный голос.

– Тебя это волновать не должно, учитывая, где сам сейчас находишься, – Людмила отворачивается от меня.

Я вижу ее напряженную худую спину. Через тонкую майку проглядывают позвонки, и у меня возникает отчетливое желание провести по ним пальцами...

– Я около нашего дома вообще-то!

– Тебя отпустили...

– Кому я там нужен в отделе... Приходи домой! Что за выкрутасы? Мы с тобой еще не закончили! И принеси мне пивка, башка разрывается!

– Больше тебе ничего не принести?!

Она наконец, к моему удовольствию, взрывается. Рывкает на него, а он рычит на Людмилу в ответ:

– Плохо мне после вчерашнего! Ну что ты за человек такой, неужели тяжело в положение мое войти?! Или подожди... – его голос становится вкрадчивым. – Или ты не можешь? Где ты, Людка? У мужика какого-то? У вчерашнего подонка, который мне всю рожу расквасил?!

Глава 6

Людмила

Меня просто трясет от ярости.

Как этот ублюдок смеет говорить мне такие вещи... Как у него совести хватает?

Сжимаю руки в кулаки, чувствуя, как нервная дрожь сотрясает все тело.

Сейчас он получит у меня. Только не пива, а по лицу сковородкой!

– Где ты, Людка? У мужика какого-то? У вчерашнего подонка, который мне всю рожу расквасил?!

– Миша.

Моим голосом можно сталь резать.

– Если ты сейчас же не исчезнешь из моей жизни, я снова вызову полицию.

– Какого хрена ты там бормочешь? Отвечай, где ты! Немедленно!

– Я развожусь с тобой.

– Слышь, мужик, если ты сейчас не заткнешься, я тебя сам успокою.

Снова, – звучит за моей спиной зычный голос Максима Игоревича.

– Ты кто такой? – рывкает трубка. – Приходи, разберемся!

– Максим Игоревич... – вцепляюсь в предплечья босса, умоляюще глядя на него. – Пожалуйста, не надо...

Он медленно забирает у меня телефон, ухмыляясь, отвечает:

– Сейчас приду.

Отключает мобильный, вновь передает мне. Смотрит словно на неразумного ребенка:

– Людмила, я пошел. Не ходите за мной. Сами разберемся.

Он разворачивается, а я выпаливаю ему вслед:

– Зачем вы это делаете?

Он оборачивается, лениво поднимает бровь:

– Потому что я нормальный мужик, который не любит, когда женщину так унижают. Сидите дома, Людмила. Я скоро вернусь.

“Сидите дома”. Вот так вот просто. Словно я не обычный гость, задержавшийся здесь на несколько дней из-за несчастного случая, а член его семьи... Его женщина.

От этих мыслей вздрагиваю. Что за глупости лезут мне в голову?

Едва за боссом хлопает дверь, вбегаю в кабинет, шепчу прерывисто Доку:

– Вы можете посидеть с Юлей? Мне надо...

– Я бы на вашем месте послушал то, что говорит босс. Иначе...

Качаю головой. Это касается меня и сидеть без дела я не собираюсь. Даже если Максим Игоревич будет против... Я не могу оставаться в стороне.

“В конце концов, он тоже играл не совсем честно... Зачем-то врубил громкую связь, а я ее не отключила...”

Добежать до своего дома с поднимающейся температурой – та еще задача. Но я успешно справляюсь, запахнувшись в найденный в шкафу у босса какую-то красную меховую шубку.

“Надеюсь, что хозяйка будет не против...” – усиленно гоню от себя мысли о том, что у босса может быть женщина. Почему-то они мне неприятны.

Когда, наконец, добираюсь до своего дома, то вижу, что основное действие уже произошло.

Мишка лежит в грязи, скрежещет зубами, злобно глядя на босса, который с холодным равнодушием взирает на него с высоты своего внушительного роста.

Мурашки бегут у меня по спине. И дело не в холоде, а в том, что я понимаю: Максим Игоревич может просто убить моего будущего бывшего мужа. Прямо сейчас.

Босс оглядывается на меня. Его глаза вспыхивают и я застываю, а потом с коротким криком падаю на холодную землю, споткнувшись.

Во взгляде, обращенном на меня, мерещится затаенная ярость.

Он злится, что я пришла. Что не послушалась его.

Но разве я могла поступить иначе?

– Людка, убери этого придурка! – Мишка выплевывает кровь изо рта, а босс рывкает на него:

– Лежать, я сказал! Если вообще хочешь подняться в этой жизни!

Мне хочется возмутиться, спросить, что он себе позволяет, но... я молчу. Лишь поднимаясь на ноги, с досадой осматриваю испачканную шубу и бормочу почему-то:

– Извините...

– Ничего страшного, – цедит начальник сквозь зубы. – И с вашим... мужем мы почти закончили.

Его последние слова звучат зловеще. И Мишка белеет, словно мел, поднимается на ноги так быстро, словно изворотливый уж.

Отскакивает от босса, выставляя вперед руки:

– Не подходи, ненормальный! Нужна тебе моя жена? Да забирай! Нравится возиться с сирыми и убогими? Бери эту потрепанную старуху, все равно ведь наиграешься и потом брошишь!

Хватаю ртом воздух словно выброшенная на берег рыба. Ярость гудит в висках, кровью заволакивает глаза.

– Ты кого старухой назвал?! – кидаюсь к Мишке, но сильные руки Максима Игоревича с удивительной ловкостью перехватывают меня за талию. Он словно пушинку держит меня, пока я пытаюсь достать до этого подонка, недоноска, негодяя, который разрушил мою жизнь!

Максим Игоревич поудобнее перехватывает меня, а затем...

Ни я, ни Мишка не успеваем ничего заметить, как спустя мгновение мощная нога прилетает к моему будущему бывшему мужу в живот.

Тот отлетает от нас, складывается, словно бумажный стаканчик, изо рта у него брызжет слюна и кровь.

– Чтоб я больше тебя здесь не видел. Увижу – ноги оторву, – холодно басит Максим Игоревич.

– О-отпустите меня... – бормочу я, чувствуя, как по щекам катятся горячие слезы. Зажмуриваюсь, но все равно с досадой понимаю, что они капают боссу на плечо. А тому ни горячо, ни холодно от этого. Он лишь подкидывает меня и равнодушно отвечает:

– Вот еще. Мы идем домой.

– Но я уже у себя дома, – беспомощно бормочу я. – Вы же уже дверь поменяли, да?

Смотрю на нее, действительно новая. Стоит, блестит.

– Поменял, но ключи мне еще не отдали.

– Как это так... – вновь зажимаюсь, не желая смотреть на Мишку, который, бормоча, поднимается с земли и бредет от нас прочь.

Потерянный. Жалкий. И униженный.

Я не чувствую никакого удовольствия от того, что его побили. Просто отвращение, что когда-то любила этого жалкого человека и позволила ему войти в свою жизнь. А теперь... теперь я его даже не уважаю. Не после того, что он сделал. Разве можно любить человека, не уважая?..

– Накосячили чего-то... Хватит уже споров. Вы взрослая женщина, а ведете себя словно ребенок...

Максим Игоревич начинает движение. Я открываю глаза.

Болтаюсь на его плече, словно куль с картошкой, пытаюсь слезть.

– Отпустите меня! Я вполне сама могу дойти!

– Вы не можете даже поручение мое выполнить нормально, – резко обрубает он. – Теперь у меня возникают сомнения даже в вашей профпригодности. Вы точно умеете слушать и слушаться?

Невольно притихаю. И он мягко хмыкает, продолжая свой путь, который занимает минут пять его быстрым легким шагом.

Когда мы оказываемся дома, Максим Игоревич осторожно ставит меня на пол. Док, вышедший вместе с Юлей из зала, удивленно присвистывает:

– Вот вы где! А у меня новости появились!

– Какие?

Вместо ответа Док сует какие-то документы Максиму Игоревичу и тот, глядя на них, моментально мрачнеет.

– Какого черта... – рычит он.

Заглядываю боссу через плечо. И невольно задерживаю дыхание от волны ярости, которая окутывает Максима Игоревича.

– Ч-что...

Он оборачивается ко мне. На застывшем, словно маска, лице, читается выражение, будто он сейчас меня убьет. Прихлопнет словно мошку.

А я даже не знаю, за что. Что еще успела натворить.

– Ваш патологоанатом... – цедит сквозь зубы. – Идиот?

– Какой патологоанатом? – отступаю от босса на шаг, а он трясет бумажками:

– Штатный! При ферме! Какого черта здесь понаписано?

Хватаю бумажки, всматриваюсь в них. И, как говорится, смотрю в книгу – вижу фигу.

– Ничего не понимаю... – бормочу я. – Странно все это...

– Он или идиот, или обычный вредитель! В отчете о вскрытии погибшего скота полно ошибок, даже самых элементарных! После тщательной проверки вскрывается такая диверсия...

– Да, похоже именно на нее, – задумчиво замечает Док.

– Вы... вы уверены? – растерянно облизываю я губы.

– Хотите взять всю вину на себя?

– Нет!

– Вот и я считаю, что... – босс вдруг замолкает, будто сдувается.

Поджимает губы и вырывает у меня документы:

– Идите наверх. К себе.

– К себе? – глупо спрашиваю я.

– Да. Мне нужно подумать. Ведь очевидно теперь, что документы составлены таким образом, чтобы я не смог прикопаться. Но тот, кто их составлял, не учел моих связей, – Максим Игоревич улыбается, и от этой хищной, наполненной предвкушением улыбки у меня дрожь по загривку бежит.

– Идите к себе, Людмила. Завтра поедem на объект.

У меня язык не поворачивается так назвать нашу, мою ферму, на которой я работала так долго. Обидно слушать это обезличенное “объект”. Но я молчу, киваю и медленно поднимаюсь к себе.

Черт побери, все еще не могу поверить, что про себя начала почему-то называть это место так!

Сажусь на постель, большую и широкую, на той, где ночевала прошлую ночь, когда почти сбежала от полуголого босса... О-ох. Зачем я об этом вспомнила?

Валюсь на постель, закрываю лицо руками. Как жаль, что не могу стереть это зрелище из своей памяти. Мошную грудь, которой почему-то до боли в пальцах захотелось коснуться. Линию волевого подбородка, по которой возжелала на короткое мгновение безумия провести пальцами.

Хищную ухмылку, от которой внизу живота сжимается сладостное тягучее возбуждение. Его взгляд, которым он смотрит на меня. Руки на мне, даже сегодня, когда нес на плече. “Он трогал меня так, словно я принадлежу ему”.

Мотаю головой.

Это безумие. Сущее безумие – иметь такие мысли о своем боссе. Тем более, когда в моей жизни еще остался Миша. Да, он меня окончательно разочаровал. Да, нужно подать документы на развод...

“Точно! Чего же я жду...”

Медленно раздеваюсь, скидываю испачканную шубку на кресло. Осторожно снимаю с себя джинсы, морщусь от боли. С тех пор, как Максим Игоревич сбил меня на своей машине, кажется, прошла целая жизнь. А с другой стороны – всего ничего.

Поэтому синяки еще ноют.

Остаюсь в трусиках и футболке. Откидываюсь на спину, беру в руки телефон и захожу на “Госуслуги”.

“Нужно покончить со всем раз и навсегда...”

– Людмила, я... – голос босса разбивает мирную тишину, установившуюся в спальне.

Я сдвигаю ноги вместе и резко сажусь на постели, впиваясь взглядом в Максима Игоревича. Который, не отрываясь, смотрит на мои голые бедра.

– Ой... – срывается с моих губ.

– Что у вас с ногами? – глухо произносит он. Проследив за взглядом, отвечаю:

– Вы же сбили меня тогда... Вот синяки остались. Заживет.

Максим Игоревич разворачивается и выходит из комнаты. А я вскакиваю на ноги, принимаюсь судорожно надевать джинсы. Потому что... ну потому что! Не должен такой он меня видеть!

Да, синяк большой и все еще болит. Но это меньшее, что меня сейчас беспокоит. Потому что сила жара, затопившая меня всю от макушки до кончиков пальцев, ошеломляет меня.

От того, что его темные глаза внимательно смотрели на меня, в груди сердцу почему-то становится беспокойно.

“Надо позвонить девчонкам и уже съезжать отсюда”, – нервно думаю я и застываю, когда слышу, как дверь снова открывается.

– Раздевайтесь.

– Ч-что?

Максим Игоревич проходит в комнату и плотно закрывает за собой дверь. Подходит ко мне, нависает, блестя глазами.

– Зачем джинсы напялили? Больно ведь. Раздевайтесь, нужно обработать ваши раны.

В руках у него я замечаю небольшую баночку с мазью, протягиваю руку:

– Я могу сделать это сама.

– Конечно можете, вы ведь не инвалид. Я просто помогу. Не переживайте, отвернусь и не буду подсматривать.

В его голосе звучит насмешка и я уязвленно вздергиваю голову. В самом деле, что он еще там не видел? Развела тут панику, как будто он может посмотреть на меня, как на женщину...

Уверена, что у босса нет никаких отказов от дам и... вообще какого хрена меня это вдруг волнует?!

– Отвернитесь, – выходит суровее, чем предполагала.

Максим Игоревич приподнимает брови, но все же слушается. Я снова снимаю джинсы, чувствуя себя идиоткой.

Сажусь на постели, прикрываю голые бедра одеялом и несмело произношу:

– Можете повернуться.

Напряжение повисает такое, что впору ножом резать.

Максим Игоревич медленно поворачивается.

Смотрит на меня снизу вверх.

Его темные глаза пылают или это мне только кажется?

А затем он присаживается на одно колено, берет одну мою ногу и кладет себе на бедро. Легкая ткань одеяла приподнимается на бедрах, и я ощущаю, как меня снова заливает теплой мягкой истомой.

Максим Игоревич открывает баночку, зачерпывает пальцами мазь и наносит ее на огромный синяк на моей ноге.

Едва сдерживаю стон.

“Мне больно. Мне просто больно!”

Длинные пальцы скользят по жирной от мази коже.

Синяк опоясывает место чуть выше колена, идет на внутреннюю сторону бедра.

Сердце в груди дрожит и, кажется, обрывается, когда умелые пальцы босса скользят туда.

Бросаю на него короткий взгляд. На мощной шее блестят капли пота.

Кадык дергается, а затем босс поднимает на меня темный взгляд.

Пальцы застывают на нежной коже бедра.

Взгляд напротив настойчивый. Не просящий, не уговаривающий.

Подчиняющий.

Облизываю пересохшие губы, а босс тянется ко мне...

И в этот момент звонок мобильного буквально подкидывает меня на кровати! Босс застывает, а потом ошарашенно моргает.

– Я... Простите, – мямлю подобно маленькой, судорожно ищу телефон на кровати, а когда нахожу, то тянусь к нему.

Из-за этого мои бедра оголяются еще сильнее, и я слышу шумный тяжелый вздох.

Максим Игоревич отворачивается и встает ко мне спиной. А я лишь могу пробормотать:

– Алло...

– Мапочка, как ты там? – слышу голос Яночки и на сердце сразу же становится теплее, хотя сердце все еще лупит в грудь словно сумасшедшее.

– Все хорошо, а ты как, солнышко? У тети Светы хорошо?

– Да, но я очень скучаю по тебе и папе... Он не появлялся?

Сказать об этом у меня язык просто не поворачивается. Да и что сказать ребенку, который скучает по отцу, который даже не удосужился поинтересоваться, где его дочь?

– Прости, милая... – бормочу я. – Как только появится – ты узнаешь...

Понимаю, что возможно неправильно веду себя сейчас. Но неизвестно, чего ребенку хочется: неприглядной правды, которую я пытаюсь скрыть или же пусть спасительной, но лжи?

– Хорошо. Тут тетя Света хочет с тобой поговорить...

– Алло?

– Людка, ты там еще жива?

– Живее всех живых, – смеюсь я. – Скоро уж поправлюсь, можешь не переживать. Приеду.

Краем глаза, как вижу напрягается мощная спина босса, который все еще находится в комнате. На смену смущению приходит возмущение. Ну и дурацкая же у него привычка подслушивать чужие разговоры!

– Да ты можешь не торопиться в принципе, – говорит трубка лукавым голосом Светки.

– Я тут с девчонками легко управлюсь, а ты пока нового босса покоряй...

– Ч-чего? – быстро убавляю звук на телефоне.

– Ты из меня дуру-то не делай? Видела я, как он на тебя смотрит!

Отличный мужик, надо брать!

Тяжело вздыхаю. Светка в своем репертуаре. Ей бы только свахой работать. Была б у нее власть, она б меня давно уже развела с Мишкой, да снова замуж спроводила!

“Ну в принципе от нерадивого муженька давно надо было избавиться...”

– Ладно, мне пора. Глупостей не говори. Сама позвоню, – резко бросаю я, а подруга в ответ лишь тихо смеется.

Выключаю наш разговор и настороженно кошусь на Максима Игоревича, застывшего около окна. Когда он успел туда подойти?

– Подруга волнуется? – тихо спрашивает он.

– Да.

– Хорошая, – он оборачивается ко мне. – Продолжим?

– Вы знаете, я лучше сама... – протягиваю руку, чтобы забрать банку.

– Я хотел помочь, – пожимает он плечами, но в этом жесте мне тоже чудится какое-то странное напряжение. Тем не менее, Максим Игоревич банку мне все же отдает, а затем вновь смотрит в окно.

– Кого еще там принесло? – цедит хмуро сквозь зубы.

Поправив на себе одеяло, я приподнимаю и подхожу к нему.

Застываю, глядя в окно.

Холодная дрожь проносится вдоль позвоночника.

У ворот дома останавливается черный мерседес, из которого выходит мужчина, одетый в дорогое черное пальто. Он вдруг поднимает голову и взгляд холодных серых глаз безошибочно останавливается на мне. Мужчина ослепительно улыбается, однако улыбка не трогает его взгляда.

Едва удерживаюсь от того, чтобы не отскочить от окна.

Этот человек... я его знаю. Но лучше бы никогда не знала.

Глава 7

Однако от моего босса ничего так просто не скрыть.

– Вы знакомы с этим человеком, – это не вопрос, а утверждение.

– Это Пегов Владимир Андреевич. Он был нашим конкурентом.

Не хочу говорить всей правды, но память услужливо подкидывает мне моменты того, как этот человек явно приставал ко мне, пытался переманить к себе работать.

– Непонятно, что он здесь забыл... – бормочу я.

– Никогда не видел его вживую. Раз уж сам приехал знакомиться, надо встретить. Сидите здесь.

Максим Игоревич смотрит на меня, ожидая ответа и я с медленно киваю. Не очень-то охота мне видаться с Пеговым. Он

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.